

почитания. Сакральное не противостоит мирскому, а органично вписано, вплетено в него. Современный человек жаждет иррационального, мистического, чуда, возможно потому, что жизнь его скучна, однообразна, обречена на повторение одних и тех же функций и погоню за материальными благами. Рациональность не удовлетворяет человека потому, что его интеллект недостаточно развит и он не умеет в полной мере использовать свои способности, направить их на самореализацию. Тем более, что в общественной жизни торжествует потребительство, стандартизация, массовая культура, препарированная СМИ информация, примитивные развлечения, а «пищи для ума все меньше» (Р. Бредбери).

Список основных источников

1. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; пред. науч.-ред. совета В.С. Степин. – М. : Мысль, 2010. – 4 т.
2. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. – М. : Изд-во МГУ, 1994.
3. Фромм, Э. Психоанализ и религия / Э. Фромм // Электронная библиотека RoyalLib.com [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : http://royallib.com/read/fromm_erih/psihoanaliz_i_religiya.html#0. – Дата доступа : 23.03.2015.
4. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. – М. : Госполитиздат, 1956.

In the article the sacred and the profane are analyzed as the phenomena of social life. They don't confront one another, but interconnected and interact. The sacred is an element of not only religious, but also non-religious consciousness of person; it's woven into the culture in the secular form. The social values are becoming sacral, and the religious one is embodied in the mundane; in the religion society deifies itself. The sacralized reality appears as a kind of totality of the simulacra, which are interpreted in the sacred sense.

The problem of the public life sacralization has not only theoretical but also practical significance. The thirst for irrational, mystical is characteristic of modern man. This problem study may help to overcome the social consciousness mystification; it promotes liberation from sacral dependency, formation of ability to think freely in relation to the well-established stereotypes, it gives rise to self-development and personal fulfillment.

УДК 339.92

С. Е. Макарова

ИНТЕГРАЦИЯ – МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ ЭВОЛЮЦИИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Региональная интеграция, наряду с процессами глобализации, является определяющей тенденцией современной политической и геополитической картины мира. Образование новых независимых государств на постсоветском пространстве изменило существующую систему международных отношений. Актуальной задачей современности становится проблема определения места и роли национального государства в условиях создания надгосударственных образований. Новое содержа-

ние приобретает цивилизационный подход. «Переформатирование» постсоветского пространства происходит весьма драматично. Признавая дестабилизирующую роль внешних факторов, следует обратить внимание на главные дестабилизирующие внутренние факторы – слабость гражданского общества, архаичность политических систем, коррумпированность элит, неспособность государственных институтов поддерживать динамичное социальное развитие.

Глобализация имеет глубокие объективные предпосылки и привносит в международные отношения целый ряд важных черт: делает мир более цельным, единым; увеличивает его способность быстро реагировать на проблемы общего характера (нынешний мировой финансовый кризис); приводит к унификации, обезличиванию, эрозии идентичности, ослаблению национально-государственных возможностей регулирования социума; в свою очередь, вызывает ответную реакцию в виде самоизоляции, протекционизма, автаркии, приводит к образованию узлов напряженности в международной системе между глобализацией и национальной самобытностью отдельных государств [1, с. 63–64; 2].

В XXI веке мир вступил в новую фазу своего развития – фазу, когда основными субъектами мировой политики становятся макрорегионы. Региональная интеграция, наряду с процессами глобализации, является определяющей тенденцией современной политической и геополитической картины мира. Она получила свое развитие в форме образования и деятельности различных региональных интеграционных комплексов, в которых государства связаны более тесными экономическими, политическими и социокультурными интересами. Образование новых независимых государств в последней трети XX века коренным образом изменило существовавшую систему международных отношений и стало одной из причин «интеграционного бума».

Современный политический процесс диктует необходимость исходить из нелинейного характера и множественности траекторий и моделей современного политического развития, хотя это не означает отрицания «сквозных» тенденций мирового развития (таких, например, как глобализация, локализация, транснационализация, демократизация и др.) [3, с. 242–279; 4, с. 29].

Управление международной системой (как способ организации ее функционирования) приобретает новые черты, отличные от управления на уровне национально-государственного социума: нет формально выстроенной властной вертикали; действенность международно-правового регулирования обусловлена готовностью государств согласовывать, принимать, исполнять соответствующие нормы; силовое принуждение носит специфический характер и может вызывать осложнения незнакомыми явлениями в национально-государственном контексте (проблемы легитимности, распределение рисков и ответственности с другими странами) [5, с. 148].

Наряду с глобализацией набирают силу в международной жизни интеграционные тенденции, важнейшая функция которых – нейтрализовать нестабиль-

ность на региональном уровне. Исследователи пока затрудняются дать ответ на вопрос о последствиях региональной интеграции, так как это явление сравнительно молодое и чрезвычайно многообразное. Снимая конкуренцию между государствами, региональная интеграция может проложить путь к взаимному соперничеству более крупных территориальных образований. На первый план выходит проблема соотношения глобального и регионального уровней в международной системе. Не снимается с повестки дня вопрос о лидерских функциях. Используемая лексика может оказаться не менее важной, чем практические действия.

В работах таких исследователей, как Х. Линц, А. Степан, К. Шмиттер, Р. Саква, Т. Корозерс, С. Холмс, М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль, В.Я. Гельман, Д.А. Фурман, Б.И. Макаренко и других выявлены закономерности посткоммунистических трансформаций, связанных с парадигмой транзита. В рамках этой парадигмы выделяются такие фазы, как эрозия и распад авторитаризма, либерализация, институциональная демократия, неконсолидированная демократия, демократическая консолидация. Оценивая постсоветское пространство, политологи отмечают упрощенность и поверхностность парадигмы транзита. На этой территории демократизация и процессы становления консолидированной демократии замещены процессами политической институционализации и властной стабилизации, ориентированной на эффективное управление, стабильное воспроизводство властных отношений, создание и поддержание механизмов поддержки и легитимности власти.

Политические режимы, сформировавшиеся в ходе эволюции в постсоветских странах, оказывают непосредственное влияние на внешнеполитические ориентации элит. Как показывает практика, режимы «бесформенного плюрализма» (термин В. Гельмана) ориентируются преимущественно на западные центры влияния, в то время как для режимов «неконсолидированной власти», характеризующихся авторитарными тенденциями, Россия остается предпочтительным ориентиром [6].

Общий алгоритм межгосударственной интеграции включает несколько этапов: подготовительный, когда осуществляется осмысление сложностей и дивидендов объединения на уровне правящих элит; «продажа» общественному мнению этой идеи; создание государственных механизмов, обеспечивающих интеграцию; институционализация вступления в организацию наднационального характера.

Прекращение существования СССР сказалось практически на всех государствах, входивших в его политическую орбиту. Ряд российских исследователей обратились к теме обустройства постсоветского политического ландшафта. Среди них можно назвать таких ученых как Е.Ю. Мелешкина, Е.И. Пивовар. Автор монографии Е.Ю. Мелешкина «Формирование новых государств в Восточной Европе», применив сравнительный метод, выделила три группы государств или три траектории развития:

- страны Балтии – демонстрируют успешное государственное строительство, обусловленное консолидированностью демократического режима, радикальностью институциональных реформ, опытом собственной государственности, членством в ЕС;
- Молдавия и Украина – проблемный характер вследствие неконсолидированности политических режимов, непоследовательности институциональных реформ и практическом отсутствии опыта государственного строительства;
- Беларусь – консолидированный авторитарный режим, полное отсутствие опыта собственной государственности [7, с. 218].

Следует отметить, что имперское господство оставило по себе след на постсоветском пространстве. Дальнейшее развитие бывших советских республик напрямую зависит от того, насколько быстро эти государства сумеют преодолеть имперское наследие. В России обнаружили это уже на ранней фазе переходного периода, когда сочли нужным отказаться от термина «ближнее зарубежье» применительно к бывшим советским республикам. И хотя объективные возможности и востребованность российского лидерства фактически неоспоримы, перед Россией встала серьезная задача – нейтрализовать его интерпретацию сквозь призму подозрений «неоимперских амбиций» [5, с. 150].

О.Ю. Потемкин, М.В. Стрежнева, В.Г. Несмятенков, С.В. Голунов, Н.А. Косолапов, И.Л. Прохоренко и другие ведут речь о региональной интеграции как о процессе формирования новых конфигураций, выделяют факторы, определяющие устойчивость транснациональных взаимодействий. Проблемы интеграции Беларуси в рамках СНГ, ЕврАзЭС, Таможенного союза и других образований нашли отражение в работах Д.И. Ушкаловой, С.Г. Куманева, В.П. Юрина, А.Е. Дайнеко, О.В. Жегуло, М.И. Демчука, А.В. Макарова, В.В. Кириенко, Ч.С. Кирвеля, Н.С. Щекина и др.

Новое содержание и новый смысл приобретает цивилизационный подход. Если мир-систему дифференцировать не только на «центр» и «полупериферию» и «периферию», но и на регионально цивилизованные союзы, находящиеся в динамичном взаимодействии, то получится гораздо более адекватная современной реалии картина [4, с. 31].

Можно выделить несколько концепций:

1. Представители теории зависимости исходят из концептуального осмысления глобальной структуры экономической взаимозависимости. Объективные обстоятельства привели к образованию специфической международной структуры, в рамках которой меньшинство стран образуют промышленное ядро мира, а большинство других составляют периферию, обеспечивающую ядро сырьем и импортирующую конечные продукты. Исследования доказывают то, что капитал перемещается от менее развитых регионов к более развитым, а не наоборот. В процессе интеграции происходит утечка мозгов и утрата потенциала роста. Принимая участие в интеграции с экономически развитыми странами, остальные государства берут на себя неременное обязательство проводить

рыночные реформы, выгода от которых может не превысить затраты. Главный вывод представителей данной концепции: интеграция разных по уровню развития территорий неизбежно влечет за собой разрастание межрегиональных диспропорций и региональных проблем.

2. Функционалисты рассматривают процесс международной интеграции не только поэтапно, но и структурно дифференцированно. Кооперация наиболее вероятна между технической и политической сферами. К первой относятся наука и экономика, где взаимодействие не вызывает особых противоречий, не создает угрозы суверенитету. Политическая сфера включает область отношений, чувствительных для национальной безопасности. Учитывая это обстоятельство, функционалисты предлагают развивать сотрудничество первоначально в технических областях взаимоотношений, а затем осуществлять перевод его на уровень «высокой политики».

3. Неофункционализм больше всего внимания уделяет исследованию условий и факторов, способствующих или препятствующих международной интеграции. Суть заключается в том, чтобы происходила постепенная политизация первоначальных технических и непротиворечивых целей участников объединительных процессов. Создаваемая интеграционная система отличается прагматизмом, повышенным вниманием и предупредительностью в отношении друг друга.

4. Школа транснационального подхода предлагает собственную интеграционную концепцию: интеграция – это не цель и не процесс, а одна из разновидностей реального состояния межгосударственных отношений. Основной акцент делается на развитие взаимопонимания на уровне социума.

5. Продолжением транснационального подхода являются взгляды немецкого философа Ю. Хабермаса, в концепции которого речь идет о такой предпосылке интеграции, как формирование европейской идентичности. Становление общей идентичности, а значит, подлинной интеграции является результатом развития политического самосознания, имманентно сопровождающего демократические процессы.

6. Теория рационального выбора (М. Олсон): вероятность коллективных действий зависит от размеров группы – разрыв между индивидуальными усилиями и коллективными действиями будут тем значительнее, чем больше размер группы. Принцип рационального выбора лег в основу институциональной теории (Р. Кеохейн, С. Балмер, К. Армстронг, М. Фридман), согласно которой главная категория – институты – это формально-юридические конструкции из набора правил принятия решений, которые накладывают определенные обязательства на политических акторов, руководствующихся собственными интересами.

7. Концепция политических сетей. Понятие «институт», продолжая занимать существенное место, уступает свою позицию связям и отношениям. Поли-

тическая сеть создает гарантии для взаимовыгодного сотрудничества, вне зависимости от силового потенциала [6].

Теоретическим обоснованием политической интеграции может быть концепция «надгосударственности», где речь идет о «конфедерации». В XX веке появились новые формы межгосударственных объединений: содружество или сообщество государств. В отличие от конфедерации эти образования более аморфны. Принцип надгосударственности как один из основополагающих принципов современных интеграционных институтов имеет длительную историю формирования («от империи к сообществу») и рассматривается в современной теории интеграции в качестве важнейшего структурообразующего элемента современных интеграционных процессов [8].

В процессе формирования глобально-информационного общества и трансформации существующей системы международных отношений актуальной задачей становится определение места и роли национального государства в этом процессе, его исторических перспектив.

В западной политической науке можно выделить два направления.

1. Представители политического реализма Х. Булл, А. Мак Гроу, Д. Хелл, Г. Моргентау, К. Уолш и др. считают, что государство является главным актором на мировой политической арене, признавая важность и других «игроков», таких как Всемирный банк.

2. Сторонники либерального интернационализма, такие как Р. Кохэн, Дж. Най, Дж. Розенку, В. Хантли предлагают создавать некий орган международного управления, наделенного соответствующими властными полномочиями и организованного по типу федерации или конфедерации. Они предполагают наличие мирового правительства с наднациональной властью, либо децентрализованной и плюралистической системы международного управления, основанное на принципах традиционализма [9, с. 63].

В российских гуманитарных науках в ряде статей и монографий анализируются лишь отдельные аспекты рассматриваемой проблемы (Э.А. Баграмов, О.Н. Барабанов, М.В. Беспалов) [10].

Глобалистское пространство, организованное на принципах атлантизма, не оставляет места для национальной самобытности, независимости. Макроструктурные изменения в системе мировой политики, прежде всего, связаны с новой ролью ее субъектов в лице государств (государств-наций). Возрастает влияние негосударственных акторов мировой политики, но она еще не достигла того уровня, который позволил бы им оттеснить на второй план государство как главный структурный элемент. Это в полной мере относится к транснациональным корпорациям, к международным и национальным надправительственным организациям.

Идеи универсальной и масштабной десоверенизации, продвигаемые многими деятелями западных стран, в целом отвечают современным реальностям.

Десуверенизация в значительной степени имела место в странах ЕС. Но и там она вызывает массу нареканий со стороны «евроскептиков» [11, с. 39].

Существенной чертой белорусской модели социально-экономического развития, хорошо зарекомендовавшего себя в предыдущие годы, является интеграция, которую многие почему-то воспринимают преимущественно как сугубо внешнеэкономический процесс, имеющий отношение исключительно к росту экспорта, созданию торговых режимов и т. д. СНГ, Союзное государство, Таможенный союз, создание Единого экономического пространства, ОДКБ и принятие решения о создании Коллективных сил реагирования на чрезвычайные ситуации, создание Евразийского союза – это и есть реализация исторической роли Беларуси как моста между Европой и Азией, жизненно важного звена в осуществлении идеи «интеграции интеграций».

Создание первого на пространстве бывшего СССР интеграционного объединения – Содружества Независимых Государств – воспринималось и подавалось многими как механизм некоего «цивилизованного развода». За последующими законодательными инициативами их критики часто видели фантом «воссоздания империи». Республика Беларусь стремилась к максимально глубокой интеграции, воспринимая ее как инструмент взаимовыгодного сотрудничества с учетом новых политических реалий – равноправия участников и безусловной ценности белорусской государственности. К 2013 г. Республика Беларусь по числу подписанных и ратифицированных документов оказалась в числе лидеров на просторах СНГ.

Среди приоритетных задач общественно-политического характера – развитие информационного пространства в рамках СНГ, укрепление межкультурного и межэтнического взаимодействия, контактов на уровне ветеранских и молодежных организаций. 2015 год объявлен Годом ветеранов Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

Все страны СНГ обладают возможностью участвовать в решении различных проблем, реализации разных программ и проектов именно в том объеме и в том формате, который отвечает их интересам. Согласование позиций 11 государств по тому или иному вопросу порой занимает длительный период времени. Одной из особенностей СНГ является разноскоростная интеграция.

Интеграционные объединения на евразийском пространстве не конкурируют друг с другом, а как бы вырастают друг из друга. Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана отличается высокой степенью интеграции. В этом объединении, в отличие от СНГ, прописан жесткий порядок принятия и реализации решений. Попытка создания единого экономического пространства в рамках Таможенного союза – это стремление стереть барьеры, сдерживающие развитие трансграничных взаимодействий.

На современном этапе развития насущной задачей является переход от Евразийского экономического пространства к Евразийскому экономическому союзу. В январе 2012 г. этому проекту был дан старт, путь к которому начался с

момента создания СНГ. Содружество явилось той моделью взаимоотношений, которая позволила сблечь мириады цивилизационных, духовных нитей, объединяющих народы бывшего СССР, производственные, экономические и другие сферы. Создание Единого экономического пространства не было воспроизведением СССР, так как оно являлось наднациональным объединением, способным стать одним из полюсов эффективной связки между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом [12].

Евразийский экономический союз как «мегапроект будущего» характеризуется следующими чертами:

- создается как конкурентоспособное глобальное экономическое объединение, а не как совокупность стран, развивающихся на принципах «догоняющей модернизации»;
- должен стать прочным звеном, сцепляющим евроатлантический и азиатский ареалы развития;
- станет самодостаточным региональным финансовым объединением, частью новой глобальной валютно-финансовой системы;
- евразийская интеграция должна идти исключительно эволюционным и добровольным путем на основе широкой общественной поддержки [13].

Создание Евразийского экономического союза было обусловлено тем, что бывшие советские республики издавна были соединены многослойными и тесными связями в экономике, политике и культуре. Экономики этих республик на протяжении многих лет развивались в общем хозяйственном комплексе СССР, что обеспечило относительную однородность технологического пространства, заложило основы производственной кооперации [14; 15].

С 1 января 2015 г. на карте мира появилось новое интеграционное объединение – Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации. Создание ЕАЭС в полной мере соответствует законам современной глобализации. По своей силе и возможности Союз вполне сопоставим с ключевыми игроками мирового рынка, такими как США, Китай, Япония, ЕС. Площадь нового образования составляет 20 млн квадратных километров, население – 170 млн человек, ВВП – 2,7 трлн долларов. Члены ЕАЭС являются мировыми лидерами по добыче нефти и газа, занимают второе место по выпуску минеральных удобрений, третье – по выработке электроэнергии, четвертое – по производству пшеницы, угля и стали [2].

Для обеспечения системной работы по реализации задач по выводу наших экономик на более высокий уровень конкурентоспособности, на новый инновационный этап развития и повышения жизненного уровня народов разрабатывается стратегический документ – «Основные направления промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза». ЕАЭС создается во имя объединения, взаимного дополнения дефицитных ресурсов и капиталов трех стран, ради возможности их инновационного обновления, чтобы достойно конкурировать с аналогичными по масштабу и силе титанами миро-

вой экономики – США, ЕС, западными ТНК. Неслучайно Армения и Кыргызстан, взвесив все выгоды и издержки, уже приняли решение о присоединении к ЕАЭС. Судя по нескончаемой череде кровавых «цветных» революций, локальных конфликтов, а также полномасштабных войн с одновременным участием многих стран, очередная охватившая мировую экономику глобальная депрессия вновь обнаруживает признаки перерастания в масштабную борьбу стран и народов за дефицитные ресурсы. В этих условиях ЕАЭС может стать местом, где смогут пережить невзгоды начавшегося XXI века народы, ставшие беззащитными в результате крупнейшей геополитической катастрофы XX века – разрушения некогда могучего СССР [16, с. 59, 65].

Стремление к образованию Евразийского союза есть своеобразная реакция на стремление определенных сил к однополярному миру. Необходима такая система, которая на геополитическом уровне способна консолидировать и противопоставить атлантизму суверенную волю всех тех стран, которые понимают, что у них нет будущего в однополярном глобальном порядке вещей. Как показывает нынешняя геополитическая битва за украинский плацдарм, контроль над странами, география которых сопряжена с пространством Балто-Черноморья, – важнейший приоритет атлантистов. Хотя Беларусь остается регионом стабильности и спокойствия, не следует самоуспокаиваться и надеяться, что нас обойдет стороной процесс, движущей силой которого является атлантизм. Разговоры о том, что Беларусь – мост между Западом и Востоком, что в этом заключается ее историческая миссия, напрасны и только маскируют необходимость и неизбежность выбора между двумя полюсами. С позиций геополитики Запад не нуждается в нашей миссии, так как атлантистов интересует контроль над балто-черноморским пространством. Мы ограничены в своем выборе – мы с Востоком, либо с Западом. Перед тем как шагнуть в Новый мировой порядок, который предлагают атлантисты, мы должны твердо убедиться в том, что сохраним свою историческую и культурную субъектность, свой национально-государственный суверенитет [17].

В 1991 г. Ж. Аттали, создатель Европейского банка реконструкции и развития, написал книгу «Тысячелетие: выигравшие и проигравшие в наступающем Новом мировом порядке». В ней автор в главе «Отказ от суверенитета и необходимость ограничений» не оставляет никакой надежды на суверенное существование национальной общности. «Человечество вступает в сверхиндустриальный век, богатые и процветающие зоны будут беспечно соседствовать с обширными нищими регионами... Этот процесс будет сопровождаться утратой традиционной привязанности к стране, общине, семье...» [17].

Иницируемые и активно продвигаемые Россией проекты интеграции на постсоветском пространстве в логике З. Бжезинского предстают попытками локальной Евразийской империализации, альтернативой универсалистской империализации, воплощенной в проектах Pax Americana и Большой Европы, с бои в

продвижении которых нашли отражение в нынешнем глобальном кризисе [18, с. 86].

Последствия «развода» Украины и России скажутся не только на перспективах развития Таможенного и Евразийского союзов, но и повлияют на развитие отношений с Китаем. Успешное осуществление «майданной» революции дало возможность США радикально вмешаться в геополитическую ситуацию на просторах Евразии и изменить ее в свою пользу. Однако, выиграв в тактическом плане, США могут проиграть в плане стратегическом.

На постсоветском пространстве началась и будет продолжаться геополитическая и геоэкономическая реконфигурация. Развитие и расширение интеграции будет происходить в нескольких форматах.

Во-первых, после подписания Грузией, Молдовой и Украиной договора об ассоциации с ЕС эти государства будут интегрироваться с Евросоюзом и отчасти с США; однако эта интеграция будет неорганической и асимметричной, чреватой глубокими социальными и политическими кризисами. Эти страны будут использоваться при осуществлении антироссийской политики как своеобразный «санитарный кордон» в Балто-Черноморской зоне.

Во-вторых, получит новые импульсы развитие Евразийского союза, но не столь динамично, как того требует геополитическая ситуация и конкуренция со стороны других интеграционных образований. В Евразийском союзе будут участвовать Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Армения, возможно, Таджикистан. США и ЕС будут стараться, чтобы Евразийский союз не стал полноценным геоэкономическим и геополитическим субъектом. Узбекистан, Туркмения и Азербайджан пока занимают промежуточное положение. Они не застрахованы от цветных революций. В «эпоху великих потрясений» происходит геополитическое и геоэкономическое переформатирование всего постсоветского пространства весьма драматично. Было бы очевидным упрощением все издержки и жертвы сводить лишь к дестабилизирующей роли внешних сил, хотя их вклад в создание атмосферы хаоса на постсоветском пространстве является значительным. Главными факторами дестабилизации являются слабость гражданского общества и государства, отсутствие иммунитета к внешнему влиянию, архаичность политической системы, несовременность и коррумпированность элит, плохое функционирование институтов, их неспособность поддерживать динамичное социальное развитие [19, с. 87].

В настоящее время на постсоветском пространстве началось высвобождение из губительных пут «рыночного морока». Если несколько лет тому назад само употребление терминов «план», «планирование» был под строжайшим табу, то сегодня, например, в России разработан и вступил в силу закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Такая же картина наблюдается в Республике Беларусь. Власти Российской Федерации и Республики Беларусь считают целесообразным в силу внешних обстоятельств как можно быстрее перейти на взаиморас-

четы в национальных валютах. На фоне ужесточения санкций США против России правительство в 2015 г. принимает конкретные меры по увеличению доли рублевых расчетов и отказу от доллара в экспортных контрактах. Такое же решение принято правительством Республики Беларусь в начале марта 2015 года. Повышение роли национальных валют должно способствовать интеграции валютного рынка (ИВР) стран Евразийского экономического пространства (ЕАЭП), включающего в себя все ранее созданные интеграционные объединения. Интегрированный рынок ЕАЭП не подменяет, а дополняет национальные рынки, предполагает равные права и возможности участников из стран ЕАЭП, выступает своего рода объединяющей надстройкой над национальными рынками. Важнейшим условием успеха интеграционных процессов выступает свободное движение инвестиций [19, с. 42; 20, с. 27, 33].

Евразийский экономический союз создается как субъект международного права, обладающий международной правосубъектностью. Договор о его создании будет зарегистрирован в Секретариате Организации Объединенных Наций. В соответствии с Договором для желающих углубить связи с ЕАЭС предусмотрены два статуса – государства-кандидаты и государства-наблюдатели. Помимо этого выстраивается диалог с рядом стран и международных организаций, инициировавших предложения с ЕАЭС. Фактически становится возможным объединить концептуальные положения политики «европейского соседства» и азиатской политики «открытого регионализма». Поступили обращения от Вьетнама, Новой Зеландии, Европейской ассоциации свободной торговли.

В настоящее время в мире существует более 500 зон свободной торговли. Во Всемирной торговой организации состоит 159 стран. Таким образом, в среднем каждое государство мира участвует в трех зонах свободной торговли. Это служит хорошим стимулом для развития экономики. Одна из особенностей разно скоростной интеграции состоит в том, что любое государство может четко и открыто выразить свою позицию по любому вопросу.

Список основных источников

1. Барановский, В.Г. Основные параметры современной системы международных отношений / В.Г. Барановский // Полис. Политические исследования. – 2012. – Ч. II, № 4. – С. 63–78.
2. Сидорский, С. Потенциал мощной энергии / С. Сидорский // СБ. Беларусь сегодня. – 2015. – 23 янв.
3. Пантин, В.И. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века / В.И. Пантин, В.В. Лапкин. – Дубна : Феникс, 2006. – С. 242–279.
4. Пантин, В.И. Исследование перспектив мирового политического развития: проблемы методологического синтеза / В.И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 6. – С. 24–40.

5. Барановский, В.Г. Основные параметры современной системы международных отношений / В.Г. Барановский // Полис. Политические исследования. – 2012. – Ч. III, № 5. – С. 148–158.
6. Золотокрылин, О.В. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: противоречия и конфликты : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / О.В. Золотокрылин ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2008. – 24 с.
7. Мелешкина, Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе : монография / Е.Ю. Мелешкина. – М. : ИНИОН РАН, 2012. – 251 с.
8. Абгарян, С.Р. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: основные теоретико-методологические подходы : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / С.Р. Абгарян ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2012. – С. 10.
9. Кочетков, А.П. Национальное государство в условиях глобализации / А.П. Кочетков // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 4. – С. 63–74.
10. Баграмов, Э.А. Национальная проблематика в поисках новых концептуальных подходов / Э.А. Баграмов // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 34–52.
11. Кокошин, А.А. Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики. Тенденции на 2020–2030 годы / А.А. Кокошин // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 4. – С. 38–60.
12. Путин, В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня / В.В. Путин // Евразийская интеграция в XXI веке / ред. группа: А.А. Климов, В.Н. Лексин, А.Н. Шведов. – М. : ЛЕНАНД. – 2012. – 288 с.
13. Назарбаев, Н. Евразийский интеграционный проект: устремление в будущее / Н. Назарбаев // Евразийская интеграция в XXI веке / ред. группа: А.А. Климов, В.Н. Лексин, А.Н. Шведов. – М. : ЛЕНАНД. – 2012. – 288 с.
14. Лавров, С.В. Евразийский интеграционный проект: устремленность в будущее / С.В. Лавров // Евразийская интеграция в XXI веке / ред. группа: А.А. Климов, В.Н. Лексин, А.Н. Шведов. – М. : ЛЕНАНД. – 2012. – 288 с.
15. Макарова, С.Е. Глобализация и образование региональных союзов на евразийском пространстве / С.Е. Макарова // История, философия, политика, право : научные труды преподавателей гуманитарных дисциплин / Могилевский государственный университет продовольствия; БИП – Институт правоведения; под общ. ред. В.Д. Выборного, А.А. Скикевича. – Вып. 6. – Могилев, 2014. – С. 94–101.
16. Байнев, В. Конкуренция – тормоз для инноваций? / В. Байнев // Беларуская думка. – 2014. – № 9. – С. 59–65.
17. Оргиш, В. Большая геополитическая игра / В. Оргиш // СБ. Беларусь сегодня. – 2014. – 26 июня.
18. Лапкин, В.В. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты / В.В. Лапкин, В.И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 5. – С. 68–89.
19. Мишина, В. Интегрированный валютный рынок Евразийского экономического пространства и расчеты в национальных валютах / В. Мишина, Л. Хомякова // Вопросы экономики. – 2014. – № 8. – С. 41–56.
20. Хейфиц, Б. О зоне свободных инвестиций Евразийского экономического союза / Б. Хейфиц // Вопросы экономики. – 2014. – № 8. – С. 26–40.

Regional integration, along with globalization processes, is the main tendency of a modern political and geopolitical picture of the world. Formation of the new independent states in the territory of former Soviet Union changed the existing system of the internation-

al relations. The problem of a place and a role of the national state in the conditions of creation of supranational entities becomes an actual problem of the present. The new content gets civilization approach. "Reformatting" post-Soviet space is happening very dramatic. Recognizing the destabilizing role of external factors, it is necessary to pay more attention to the main destabilizing internal factors: weakness of civil society, archaism of political systems, corruption of elite, inability of the state institutes to keep dynamic social development.

УДК 811.161.3

С. У. Макарава

ДА ПРАБЛЕМЫ ІНТЭРТЭКСТУАЛЬНАСЦІ

Інтэртэкстуальнасць – гэта працэс культурнага, гістарычнага, семіятычнага і міжтэкставага ўзаемадзеяння, які з'яўляецца адной з катэгорый тэксту і служыць сродкам адлюстравання міжтэкставых сувязяў. Вывучэнне гэтых сувязяў – актуальны накірунак даследавання ў сучаснай лінгвістыцы. Для беларускай літаратуры ХХ стагоддзя інтэртэкстуальнасць з'яўляецца вельмі характэрнай, што адлюстроўвае шырокае развіццё сусветных культурных сувязяў. У беларускай мастацкай літаратуры ХХ стагоддзя склаліся пэўныя прыёмы выкарыстання інтэртэкстэм як сродку выражэння інтэртэкстуальных сувязяў, якія неабходна ахарактарызаваць для адэкватнага ўспрымання любога твора.

Інтэртэкстуальнасць – складаная з'ява, на аснове якой адбываецца дыялагічнае ўзаемадзеянне твораў, культур, эпох. Інтэртэкстуальнасць разглядаецца ў шырокім сэнсе як універсальная ўласцівасць тэксту, а ў вузкім сэнсе як наяўнасць канкрэтных і яўных адсылак да папярэдняга тэксту. Інтэртэкстуальнасць – універсальная міжтэкставая сувязь, з дапамогай якой адбываецца злучэнне новага тэксту з ужо існуючымі вядомымі тэкстамі.

Тэрмін “інтэртэкстуальнасць” упершыню прапанаваны ў 1967 годзе вядомым французскім постструктуралістам Ю. Крысцевай (“Бахцін, слова, дыялог і раман” 1967, “Semeiotike”, 1969), якая сфармулявала сваю канцэпцыю на аснове пераасэнсавання прац М.М. Бахціна [1; 2].

Ю. Крысцеву называюць адным з уплывовых тэарэтыкаў постструктуралізму, адзначаючы, што менавіта ёй было распрацавана паняцце інтэртэкстуальнасць, якое пазней трывала замацавалася ў літаратуразнаўстве. “Даследчыца абагульніла папулярныя ідэі аб сусветнай літаратуры і культуры як універсальным інтэртэксце, усе састаўныя часткі якога знаходзяцца ва ўмовах бесперапыннага дыялогу” [3, с. 191]. Ю. Крысцева мадэрнізуе погляды М. Бахціна, паводле якіх у дыялагічных адносінах знаходзяцца практычна ўсе літаратурныя творы, якія ўзаемадзеююць не толькі з адлюстраванай у іх рэальнай рэчаіснасцю, але і з аўтарам, чытачом і літаратурным працэсам мінулага і сапраўднага.